

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-30-40

Сюжет об избииении лошади в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда»

Татьяна Александровна Богумил

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

tbogumil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Аннотация

В статье обозначены генезис, структура и семантика сюжета об избиваемой лошади. Методология исследования опирается на приемы и методы структурно-семиотического и интертекстуального подходов, а также мотивного анализа. Традиционно отождествление лошади и страдающего человека / крестьянства / народа / человечества, с чем связано метафорическое прочтение событийного ряда в произведениях русских и зарубежных писателей XIX и XX вв. (Н. А. Некрасов, Н. В. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. П. Астафьев, Л. М. Леонов и др.; В. Гюго, Ш. Бодлер). Реализация сюжета впервые рассмотрена на материале повести «В окопах Сталинграда» В. Некрасова. Установлены интертекстуальные переключки повести с прецедентным для исследуемого сюжета романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (сон Раскольникова), а также с поэмами В. В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» и С. А. Есенина «Кобыльи корабли», книгой Р. Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена» («Полконя»). В повести сюжет об избиваемой лошади становится высказыванием о победе, достигнутой потом, кровью, болью, страданием, смертью народа. Книжная реальность – реалистическая и фантастически-абсурдная – поверяется личным жизненным опытом авторизованного рассказчика. Бравурно-хвастливое описание эпизодов сражений и побед барона Мюнхгаузена соотносима с официально приемлемым нарративом о Великой Отечественной войне, контрастом чему выступает «окопная правда» В. Некрасова.

Ключевые слова

интертекст, мотив, абсурд, Великая Отечественная война

Для цитирования

Богумил Т. А. Сюжет об избииении лошади в повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 30–40. DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-30-40

© Богумил Т. А., 2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 1. С. 30–40

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 1, pp. 30–40

The Story of the Beating of a Horse in V. Nekrasov's Story "In the Trenches of Stalingrad"

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

tbogumil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Abstract

In the article, the genesis, structure and semantics of the plot about a beaten horse are outlined. The research methodology is based on the techniques and methods of structural-semiotic and intertextual approaches, as well as motive analysis. Traditionally, a horse is associated with a suffering person / peasantry / people / humanity. The principle of psychological parallelism underlies the metaphorical implementation of the plot in the works of Russian and foreign writers of the 19th and 20th centuries (N. A. Nekrasov, N. V. Uspensky, M. E. Saltykov-Shchedrin, V. P. Astafyev, L. M. Leonov and others; V. Hugo, Ch. Baudelaire). The plot is first examined on the material of the story "In the Trenches of Stalingrad" by V. Nekrasov. The model for the plot under the study is the episode of Raskolnikov's dream in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". The other intertextual echoes connect the story with the poems by V. V. Mayakovsky "Good Treatment of Horses" and S. A. Esenin's "Mares' Ships", and R. E. Raspe's book "The Adventures of Baron Munchhausen" ("Half a Horse"). In the story, the plot of the beaten horse becomes a statement about the victory achieved by sweat, blood, pain, suffering, and death of the people. The book's reality, realistic and fantastically absurd, is tested by the personal life experience of the authorized narrator. The bravura-boastful description of Baron Munchhausen's battles and victories is similar to the official narrative of the Great Patriotic War, and V. Nekrasov's "trench truth" argues with it.

Keywords

intertext, motive, absurdity, Great Patriotic War

For citation

Bogumil T. A. The Story of the Beating of a Horse in V. Nekrasov's Story "In the Trenches of Stalingrad". *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 1, pp. 30–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-1-30-40

Структурно-семантические параметры сюжета об избииении лошади сложились в русской литературе середины XIX в. Общеизвестными прецедентными текстами для этого сюжета считаются цикл Н. А. Некрасова «О погоде» («До сумерек», 1859) и роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). К примеру, Н. Н. Скатов заметил: «...Об избииении лошади человеком Некрасов единственный написал так, что картина стала несмываемым знаком-клеймом нашей жизни и нашей литературы» [Скатов, 2004, с. 14–16]. Ранее один из мотивов сюжета – 'бить по глазам' – встречался в финале пьесы А. Н. Островского «Не сошлись характерами» (1858), но страдающими объектами были мужики. В рассказе «Лошадь» (1863) Н. В. Успенский вслед за Некрасовым употребил этот мотив применительно к животному [Коршунков, 2023]. Жертвенный образ угнетаемой смиренной лошади присутствует в нескольких произведениях «скорбного певца коняги» (Анненский, 1979, с. 231) М. Е. Салтыкова-Щедрина: в очерке «Наши глуповские дела» (1861), хронике «Наша общественная жизнь» («Деревня

зимой», 1864), публицистическом цикле «За рубежом» (1881), сказках «Либерал» и «Коняга» (обе –1885) [Павлова, 2011].

Образ мучимой непосильным трудом и побоями лошади, с одной стороны, имел внелитературное происхождение: был связан с бытовыми и социальными реалиями времени. С другой стороны, исследователи полагают непосредственным источником некрасовских уличных зарисовок [Серман, 1966, с. 133] и первого сна Раскольникова (минуя текст Н. А. Некрасова) [Лапшин, 1922, с. 148] стихотворение В. Гюго «Меланхолия» из сборника «Созерцания» (1856) [Печерская, 2019].

Базовые структурные элементы сюжета следующие: «издевательство над жертвой, осмеяние, непосильность ноши, избиение, убийство» [Там же, с. 69]. Знаковой деталью сюжетогенного мотива избиения являются плачущие «кроткие глаза» лошади, по которым секут кнутом [Коршунков, 2023].

Метафорическое значение образа страдающей лошади у М. Е. Салтыкова-Щедрина связано с социальным контекстом: аналогией с подавленным тяжелым трудом крестьянством и народом в целом. В пронизанных публицистическим пафосом произведениях писателя смиренное долготерпение угнетенных должно когда-нибудь исчерпаться, привести к бунту, но пока еще длится покорное служение бесправных масс власти имущим, чье орудие насилия и подавления воплощено в образах узды и кнута [Павлова, 2011]. Позднее В. П. Астафьев в интервью 1994 г. опишет реальное избиение и бунт лошади, трактуя событие символически: «А грех ли – наше долготерпение? Грех – в том смысле, что обязательно это всегда плохо в России заканчивается, уж такой кровью... <...> Вот этого боюсь, что, как колхозная лошадь, страна разнесется, всю сбрую, все хозяйство – в щепки. И будут же бить кого попало!» (Астафьев, 2014, с. 20).

Социально-психологическая семантика образа лошади характерна и для Н. А. Некрасова. Его лошадь-народ находит в себе силы продолжать везти непосильный груз, несмотря на побои, а в финале обретает малую толику отдыха и милосердия: «Тут и лошадь, недавно побитая: / Бог привёл и её отдохнуть / <...> / Вот и ручка, – раскрылось окно, / И погладила клячу несчастную / Ручка белая...» (Некрасов, 1981, с. 181). В цикле Некрасова сюжет о лошади сопрягается, в дополнение к социальному конфликту (как у Салтыкова-Щедрина), с общечеловеческой темой неустранимой жестокости и несправедливости в мире (как у Гюго).

Ф. М. Достоевский подхватывает тему «кротких» людей, углубляя ее. Образ клячи в его романе многогранен: она и «символ жертв несправедливого социального устройства», и символ «жертв всякого насилия», и визуализация непосильной ноши, которую взвалил Раскольников на процентщицу (проверка убийством старушонки «мировой концепции») и на самого себя (стать палачом ради теории) [Щенников, 1978, с. 113]. Онейросфера позволяет автору внести в натуралистическое описание яростного коллективного надругательства над жертвой черты абсурда: атрибутику балаганного комического представления, генетически восходящего к архаичным обрядам. Символический подтекст физически и нравственно уродливой сцены – мистериальный сюжет восхождения на Голгофу, сопровождающийся аналогичными маркерами: «толпа, смех, издевательство над жертвой, избиение, непосильная ноша» [Печерская, 2019, с. 73].

Существенна оборачиваемость ролей в романе: «...жертва и убийца могут в любой момент поменяться местами – и поэтому смешны и нелепы любые пре-

тензии человека на то, чтобы судить и карать» [Касаткина, 2004, с. 328]. Так, Катерина Ивановна перед смертью кричит о себе: «Уездили клячу!» (Достоевский, 1973, с. 334). Но ее протесты против несправедливости жизни наносили жестокие удары по близким, Соне прежде всего. Сон Раскольников об убийстве лошадки пьяным мужиком зеркально соотносится со сценой убийства пьяного Мармеладова лошадьми. После пробуждения Раскольников в ужасе отождествляет себя с убивавшими, а после преступления дрожит, «как загнанная лошадь» (Достоевский, 1973, с. 90), поскольку «себя убил, а не старушонку» (Достоевский, 1973, с. 322). Сюжет о лошади прочитывается как противоборство духовного и телесного начала человека. Раскольников мучил себя непосильной ношей, заставлял свою протестующую плоть (лошадь) пойти вслед за бесовской идеей (убийца-погонщик). Напротив, кающаяся душа Мармеладова растоптана его же телесным грехом – пьянством [Касаткина, 2004, с. 337–338].

В литературе XX и XXI вв. сюжет о страдающей лошади возникает неоднократно как в полной совокупности элементов, так и в виде отдельных мотивов. Например, мотив ‘бить лошадь (по глазам)’ встречается в романе А. Н. Неверова «Гуси-лебеди» (1923), повести Е. Б. Фёдорова «Былое и думы» (1992), повести М. Кураева «Блок-ада» (1994), рассказе А. Эппеля «Чернила неслучившегося детства» (2002), книге 1 романа Б. Д. Минаева «Мягкая ткань» (2017) [Коршунков, 2023, с. 143–144].

Наибольшую известность в XX в. получил оптимистичный вариант сюжета, предложенный В. В. Маяковским. В «Хорошем отношении к лошадям» (1918) описание лошади, над которой глумится толпа, имеет разноприродный генезис. Согласно наблюдениям В. Е. Головчинер, стихотворение, с одной стороны, предваряет позднейшие произведения поэта «на случай» и принадлежат «литературе факта», поскольку «Отношение к лошадям» (название в первой публикации) было напечатано в одном номере с заметкой М. Горького о реальной упавшей истощенной лошади, которую окружили зеваки («Новая жизнь», 9 июня 1918 г.) (Маяковский, 1978, с. 419). С другой стороны, исследователь указывает на преемственность текста по отношению ко сну Раскольникова и стихотворению Некрасова «Вчерашний день в часу шестом...» (1848). Интертекстуальные переключки возникают на уровне ситуации, хронотопа, значимых деталей. Мучения беззащитного существа (лошадь / женщина) на виду у хохочущей толпы происходят в городском публичном пространстве, причем столичном и центральном: Сенная площадь Петербурга XIX в. соответствует Кузнецкому мосту – одной из главных улиц Москвы XX в. Особо отмечены Маяковским плачущие «глаза лошадиные», эмблематичные для рассматриваемого сюжета. Обращение Некрасова к Музе, «родной сестре» избиваемой крестьянки, позволяет увидеть в лошади советского поэта аналог Пегаса – крылатого коня вдохновения. Лирический субъект Маяковского активно и успешно вмещивается в происходящее, проявляет деятельное сочувствие, что отсутствовало у Некрасова и было бесполезно у Достоевского. В результате поверженная лошадь поднялась и, как веселый жеребенок, пошла в стойло [Головчинер, 2007]. Очевидно, что финал стихотворения Маяковского сходен с завершением сюжета другого произведения Некрасова – цикла «О погоде».

На историю Маяковского об упавшей лошади и ее осмеянии ориентирован очерк Е. Д. Зозули «Моя Москва: Тверская улица глазами одного человека» (1836).

Более ранний рассказ писателя «Лимонада» (1925) восходит к традиции XIX в. об избиении изможденного животного [Коршунков, 2023].

В философско-мистическом романе Л. М. Леонова «Пирамида» (1940–1994) ко сну Раскольниковова отсылает бытовая сценка на базаре, описанная в IX главе второй части трилогии. Событийный ряд идентичен в структурном отношении, но разнится в содержательном наполнении. По наблюдениям С. А. Васильевой, противопоставлены характеристики субъектов действия. Хозяин лошади в претексте – пьяный с мясистым красным лицом, а в посттексте – трезвый благообразный мужик. Хохочущая толпа у Достоевского эмоционально и физически вовлечена в процесс убийства, а у Леонова молча и безучастно следит за ходом расправы. У первого автора очевидна жалость ребенка к лошади, реакция толпы неоднозначна, а у второго зрители испытывают «тайное сочувствие» к злодею. Цель свидетеля истории и рассказчика отца Матвея – вызвать сопереживание лошади в слушателях, прежде всего – у старшего сына-коммуниста, готового пожертвовать своей «поповской» семьей ради новых идеалов. В «Пирамиде» ставится тот же вопрос, что терзал Раскольниковова: допустима ли жестокость ради великой цели? Принципиальная разница романских миров состоит в том, что личная теория героя Достоевского в советское время стала государственной идеологией, а значит, насилие оправдано и социально приемлемо [Васильева, 2012]. В романе «Пирамида», казалось бы, развенчивается тоталитаризм, но одновременно истоки Апокалипсиса для отца Матвея кроются не в злой воле вождей, а в несовершенстве человеческой природы, диссонансе тела и души [Якимова, 2003].

В повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» сюжет об избиваемой лошади представлен фрагментарно, но вполне узнаваемо. Наиболее очевидно подключение автора к традиции в сцене с застрявшей на мосту повозкой (ч. 1, гл. 7). Совпадают ситуация и детали: не могут сдвинуть повозку «жалкие кобыленки – кожа да кости, бока окровавлены, шеи вытянуты – скользят подковами по мокрым доскам», а «здоровенный детина в телогрейке хлещет лошадей по глазам и губам» (с. 37)¹. Вопреки претекстам брань погонщика благозвучна для рассказчика, воспринимается как маркер родного социума: «...эти “холера” и “паразит”, однообразные и без всякого выражения, с небольшими паузами, чтоб набрать воздух в легкие, сейчас лучше всякой музыки. Свои!» (с. 37). Ругань не несет отрицательного эмоционального посыла, выполняя ту же функцию понукания, что и междометие «н-но...». По контрасту с Миколкой Достоевского «детина с кнутом» (с. 38) не только не собирается убивать клячонок, но и агрессивно воспринимает подобную инициативу извне:

– Сбросить ее к чертовой матери!
– Я те сброшу, – поворачивается здоровенный детина.
– Вот и сброшу... Из-за тебя, что ли, машины стоять будут? <...>
Человек в капюшоне машет рукой.

Здоровенный детина хватает его за плечо. Из-под повозки вылезают еще трое.
В воздухе повисает тяжелый, однообразный мат (с. 37–38).

¹ Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: (Некрасов, 1990). В круглых скобках указаны страницы.

Конфликт построен не на противостоянии «детина – лошадь», а на изоморфных по отношению друг к другу оппозициях «детина – человек в капюшоне», «лошадь – машина», «простые люди – начальство». Описание пришедших на помощь военных сходно с измученными «клячками»: «В свете фар мелькают мокрые спины, усталые, грязные лица, сдвинутые на затылок пилотки» (с. 38). В итоге совместного деятельного участия народа («толпой», подобно Достоевскому, их здесь никак нельзя назвать) проблема разрешается: «Все наваливаются на подводу и с криком и руганью вытаскивают застрявшее колесо» (с. 38). Тем самым финал эпизода в повести сходен с оптимистичным финалом «лошадиного сюжета» Маяковского. Мотив гибели лошади от рук толпы у В. Некрасова замещается мотивом соборного спасения. В переносном смысле данный эпизод есть метафора того, как народ в едином порыве, надрываясь, преодолевая разногласия между собой и начальственный гонор, справляется с задачами военного времени. Хронотоп моста в этом контексте становится символом преград на тернистом пути к победе.

Следует отметить, что психологический параллелизм «лошадь – человек» в художественном мире В. Некрасова возникает неоднократно. Так, до прихода на фронт люди и лошади едины в здоровом и сытом веселье (ч. I, гл. 10):

Мимо проходила артиллерийская часть – новенькая, идущая на фронт. Молодые, веселые бойцы, с красными от загара лицами, тряслись по пыльной дороге на передках, смеясь и перебрасываясь шутками. И кто-то из них, не то сержант, не то просто боец на сытой буланой лошадке, весело крикнул звонким, как у запевалы, голосом:

– Здорово окопались, господа военные. Ни пуля, ни мина не достанет...
И все заржали вокруг него... (с. 51–52).

Во время сражения одновременно ранение получают и всадник, и конь: «По пути Игоря обстреляли, ранили лошадь. Откуда у него царапина на щеке, он и сам не знает, он ничего не чувствовал» (с. 30).

Чудовищное описание последствий войны дано через образы, нейтрализующие оппозицию «лошадь – машина»: «Вздувшиеся лошадиные туши с растопыренными ногами, расщепленные деревья, перевернутые вверх брюхом машины» (с. 45).

В рассказе В. Некрасова «Сенька» (1950) аналогичный образ лошади воспроизведен в ином сопоставлении: «Здоровенный боец в расстегнутой, совершенно мокрой от пота гимнастерке лежал рядом и смотрел на Сеньку остановившимися, немигающими глазами. <...> Вчера, когда они на машинах ехали на передовую, он видел только лошадей – вздутых, с раскоряченными ногами лошадей, валявшихся на дороге. Людей, вероятно, убрали. А вот этот лежал совсем рядом, большой, теплый еще...» (Некрасов, 1961, с. 13).

Повторяемость образов сигнализирует о наличии интертекстуального контакта². Полагаем, претекстом может выступать поэма С. А. Есенина «Кобыльи корабли» (1919), где «рваные животы кобыл» на улицах Москвы являются образом смерти в послереволюционные дни разрухи и голода. Сратник поэта А. Б. Мари-

² О гиперкогерентности (избыточной повторяемости) как сигнале скрытой интертекстуальности см.: [Смирнов, 1995, с. 68–70].

енгоф в «Романе без вранья» (1926) вспоминал, какие впечатления породили этот образ:

Лошади падали на улицах, дохли и усеивали своими мертвыми тушами мостовые. Человек находил силу донести себя до конюшни и, если ничего не оставалось больше, как протянуть ноги, он делал это за каменной стеной и под железной крышей.

Мы с Есениным шли по Мясницкой.

Число лошадиных трупов, сосчитанных ошалевшим глазом, раза в три превышало число кварталов от нашего Богословского до Красных ворот.

Против Почтамта лежали две раздувшихся туши. <...>

Все это я рассказал для того, чтобы вы внимательнее перечли есенинские «Кобыльи корабли»...³ (в его кн. «Роман без вранья». 2-е изд., Л., 1928, с. 43–45) (Есенин, 1997, с. 378–379).

Читал ли В. Некрасов мемуары Мариенгофа, нам доподлинно не известно. «Воспоминания о Есенине» были написаны и опубликованы сразу после гибели поэта (Библиотека «Огонька», 1926). Вдвое расширив материал и сменив название на «Роман без вранья», Мариенгоф трижды издал его в 1927, 1928, 1929 гг.⁴ Последующие переиздания были позже выхода в свет повести «В окопах Сталинграда». Косвенным признаком верности высказанной догадки является то, что противопоставление жеребенка и паровоза (ср. выше у Некрасова равенство в смерти лошади и машины) было выведено Есениным в поэме «Сорокоуст» (1920), посвященной Мариенгофу.

Реализованное в повести В. Некрасова единство темы войны и образа страдающей лошади спроецировано на еще один литературно-визуальный претекст. Рассказчик описывает, как ребята в библиотеке «давятся от смеха над иллюстрациями Доре к Мюнхгаузену» (с. 65), и вспоминает, что сам много раз с удовольствием перечитывал такую же книгу в детстве, причем особенно ему запомнилась картина, на которой «ворота разрезали коня пополам, а он стоит, спокойно пьет воду из фонтана, а сзади хлещет целый водопад» (с. 66). Ранее в тексте повести (ч. 1, гл. 5) ненасытно утолял жажду кавалерист, чью кобылу ранили, и почти всех однополчан которого убили: «Впивается в фляжку. Запрокинув голову, долго пьет, двигая кадыком. Вода льется за воротник, оставляя белые дорожки на шее и подбородке» (с. 28). Сходным образом описанный процесс питья вновь уравнивает лошадь и человека.

Фантастически-комический эпизод «Полконя» из серии вымышленных приключений барона упомянут в повести В. Некрасова в той же главе (ч. 1, гл. 13), что и последующая сцена из суровых реалий войны: «За фонтаном лежит кто-то. <...> Бьется лошадь. У нее распорот живот и кишки розовым студнем разбросаны по асфальту» (с. 67–68). И позднее (ч. 2, гл. 3): «Распухшая лошадиная туша, облепленная мухами. Задние ноги уже отрезаны» (с. 120). Сходство и различие дан-

³ Не исключено, что на образ лошади в поэме С. А. Есенина «Кобыльи корабли» повлияли не только реальные впечатления, но и стихотворение Ш. Бодлера «Падаль» (1857), где устанавливается параллелизм женщины и лошади, упоминается собака, ждущая поодаль возможности отхватить кусок тела трупа.

⁴ См.: *Флор-Есенина Т.* Современники Есенина о «Романе без вранья» Мариенгофа. URL: <http://esenin-lit.ru/esenin/bio/flor-esenina-sovremenniki-o-romane-bez-vranya.htm> (дата обращения 11.11.2024).

ных фрагментов произведений Р. Э. Распе и В. Некрасова состоит в перекличке мотивов: ‘жадно пить воду’ (из фляжки / фонтана), ‘быть разрезанным пополам / раненым в живот’. В историях про Мюнхгаузена эти два мотива объединены в один микросюжет о чудесах живучести каждой из половин лошади (задняя часть успешно отбилась от турок и ускакала пастись на луг). Главная идея байки барона – преодоление смерти и войны жизнью и миром. Символично, что обе половины сшили лавровыми прутьями, которые проросли в тело лошади и образовали беседку из ветвей вечнозеленого дерева (Распе, 2015, с. 27–30). В повести В. Некрасова указанные мотивы разведены по отдаленным моментам повествования. Жадно пьющий воду конармеец и его лошадь слегка ранены, одни из немногих выжили в мясорубке сражения. Агонизирующая раненая лошадь у фонтана, конечно, ничего не поглощает, как не проявляет признаков жизни полконя без задних ног. Книжные представления рассказчика о мире сверяются с реальным жизненным опытом⁵. Сопоставление с детскими радостными книжными впечатлениями подчеркивает редкость спасения и окончательную бесповоротность смерти на войне. Комичный абсурд сменяется ужасным. Хвастливое описание авантюры барона Мюнхгаузена на поле брани косвенно может быть соотносено с официальной подачей информации о Великой Отечественной войне, контрастом чему выступает «окопная правда» В. Некрасова.

Подводя итоги функционированию сюжета об избиваемой лошади в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» следует указать на то обстоятельство, что, продолжая традицию, заданную предшественниками, писатель трансформирует ее, ставя иначе смысловые акценты, привлекая неожиданные для сложившейся совокупности текстов-доноров претексты. Универсальный психологический параллелизм «лошадь – человек / народ», использованный в сюжете об избииении лошади, у русских писателей XIX и XX вв. помещен в область несправедливо устроенной социальной иерархии, а также в контекст общественно-политических катастроф эпохи (революция, Гражданская война, Великая Отечественная война).

Список литературы

Васильева С. А. Сюжет об избииении лошади: диалог Л. М. Леонова и Ф. М. Достоевского // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Филология». 2021. № 3 (70). С. 197–200. DOI 10.26456/vtfilol/2021.3.197

Головчинер В. Е. «Хорошее отношение к лошадям» и «Прозаседавшиеся» в контексте русской классики // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 38–47.

Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа реализма в высшем смысле. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

Коришников В. А. «Бить по глазам»: образ жестоко наказанной лошади и распространение этого мотива в русской беллетристике и публицистике XIX–XXI веков // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 3 (31). С. 140–147. DOI 10.25730/VSU.2070.23.047

⁵ О поэтике повести в контексте предшествующей военной прозы и поэзии см.: [Щелокова, 2018; Первалова, 2020].

Лапшин И. Эстетика Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пг.: Мысль, 1922. С. 93–152.

Павлова И. Б. «Русская лошадь знает кнут...»: об одном «страдательном» образе у М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2011. № 3. С. 12–15.

Первалова С. В. Героико-патриотические традиции русской культуры в прозе В. П. Некрасова о Сталинградской битве // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2020. № 2 (145). С. 232–238.

Печерская Т. И. Сюжет о загнанной лошади в интерпретации Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 5. С. 69–74. DOI 10.20339/PhS.5-19.069

Серман И. З. Некрасов и Виктор Гюго // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева / Ред. коллегия: П. Н. Берков и др. М.; Л.: Наука, 1966. С. 128–135.

Скатов Н. Н. Некрасов. М.: Мол. гвардия, 2004. 426 с.

Смирнов И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб.: Языковой центр, 1995. 192 с.

Щелокова Л. И. От правды будней Севастополя к окопной правде Сталинграда: опыт сопоставления «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого и «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасова // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2018. № 3. С. 74–79.

Щенников Г. К. Художественное мышление Ф. М. Достоевского. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. 176 с.

Якимова Л. П. Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида» / Отв. ред. В. Г. Одинокоев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 248 с.

Список источников

Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 679 с.

Астафьев В. «Мы не на земле живем – на мешке с костями»: Интервью / Интервьюер А. Тарасов // Новая газета. 2014. № 47. С. 20–21.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6: Преступление и наказание. 423 с.

Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука: Голос, 1997. Т. 2: Стихотворения (Маленькие поэмы). 463 с.

Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 1. 431 с.

Некрасов В. П. В окопах Сталинграда. М.: Худож. лит., 1990. 319 с.

Некрасов В. П. Вася Конаков: Рассказы. М.: Воениздат, 1961. 224 с.

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. 446 с.

Распе Р. Э. Приключения барона Мюнхгаузена / Пересказ К. И. Чуковского. М.: РОСМЭН, 2015. 96 с.

References

- Golovchiner V. E. “Khoroshee otnoshenie k loshadyam” i “Prozasedavshiesya” v kontekste russkoi klassiki [“Good Attitude to Horses” and “The Pro-Sitting Ones” in the Context of Russian Classics]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2007, no. 3, pp. 38–47. (in Russ.)
- Kasatkina T. A. O tvoryashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kak osnova realizma v vysshem smysle [On the Creative Nature of the Word. The Ontological Nature of the Word in the Works of F. M. Dostoevsky as the Basis of Realism in the Highest Sense]. Moscow, IWL RAS, 2004, 480 p. (in Russ.)
- Korshunkov V. A. “Bit' po glazam”: obraz zhestoko nakazannoi loshadi i raspostranenie etogo motiva v russkoi belletristike i publitsistike XIX–XXI vekov [“To Lash on the Eyes”: The Image of a Cruelly Punished Horse and the Spread of this Motif in Russian Fiction and Journalism in the 19th – 21st Centuries]. *Herald of Humanitarian Education*, 2023, iss. 3 (31), pp. 140–147. (in Russ.) DOI 10.25730/VSU.2070.23.047
- Lapshin I. Estetika Dostoevskogo [Dostoevsky's Aesthetics]. In: Dolinina A. S. (ed.) F. M. Dostoevsky. Stat'i i materialy [F. M. Dostoevsky. Articles and Materials]. Petrograd, Mysl' Publ., 1922, pp. 93–152. (in Russ.)
- Pavlova I. B. “Russkaya loshad' znaet knut...”: ob odnom “stradatel'nom” obraze u M. E. Saltykova-Shchedrina, N. A. Nekrasova i F. M. Dostoevskogo [“The Russian Horse Knows the Whip...”: About one “Passionate” Image in M. E. Saltykov-Shchedrin, N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky]. *Russian Speech*, 2011, no. 3, pp. 12–15. (in Russ.)
- Pecherskaya T. I. Syuzhet o zagnannoi loshadi v interpretatsii N. A. Nekrasova i F. M. Dostoevskogo [Plot about the Exhausted Horse in the Interpretation by N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2019, no. 5, pp. 69–74. (in Russ.) DOI 10.20339/PhS.5-19.069
- Perevalova S. V. Geroiko-patrioticheskie traditsii russkoi kul'tury v proze V. P. Nekrasova o Stalingradskoi bitve [Heroic and Patriotic Traditions of the Russian Culture in the Prose of V. P. Nekrasov about the Stalingrad Battle]. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 2 (145), pp. 232–238. (in Russ.)
- Serman I. Z. Nekrasov i Viktor Gyugo [Nekrasov and Victor Hugo]. In: Berkov P. N. et al. (eds.). Russko-evropeiskie literaturnye svyazi: Sbornik statey k 70-letiyu so dnya rozhdeniya akademika M. P. Alekseeva [Russian-European Literary Connections: A Collection of Articles for the 70th Anniversary of the Birth of Academician M. P. Alekseev]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, pp. 128–135. (in Russ.)
- Shchelokova L. I. Ot pravdy budnei Sevastopolya k okopnoi pravde Stalingrada: opyt sopostavleniya “Sevastopol'skikh rasskazov” L. N. Tolstogo i “V okopakh Stalingrada” V. P. Nekrasova [From the Truth of Everyday Life of Sevastopol to Trench the Truth of Stalingrad: the Experience of the Association “Sevastopol Stories” by L. N. Tolstoy and “In the Trenches of Stalingrad” by V. P. Nekrasov]. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 2018, no. 3, pp. 74–79. (in Russ.)
- Shchennikov G. K. Khudozhestvennoe myshlenie F. M. Dostoevskogo [Artistic thinking of F. M. Dostoevsky]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1978, 176 p. (in Russ.)
- Skatov N. N. Nekrasov [Nekrasov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2004, 426 p. (in Russ.)

Smirnov I. P. Porozhdenie interteksta (elementy intertekstual'nogo analiza s prime-rami iz tvorchestva B. L. Pasternaka) [Generation of intertext (Elements of intertextual analysis with examples from the works of B. L. Pasternak)]. St. Petersburg, Yazykovoi tsentr Publ., 1995, 192 p. (in Russ.)

Vasilieva S. A. Syuzhet ob izbieni i loshadi: dialog L. M. Leonova i F. M. Dostoevskogo [The Plot of the Beating of a Horse: a Dialogue Between L. M. Leonov and F. M. Dostoevsky]. *Vestnik TvSU Series: Philology*, 2021, no. 3 (70), pp. 197–200. (in Russ.) DOI 10.26456/vtfilol/2021.3.197

Yakimova L. P. Motivnaya struktura romana Leonida Leonova “Piramida” [Motif structure of Leonid Leonov’s novel “Pyramid”]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2003, 248 p. (in Russ.)

List of Sources

Annensky I. Knigi otrazheniy [Books of reflections]. Moscow, Nauka, 1979, 679 p. (in Russ.)

Astafiev V. “My ne na zemle zhivem – na meshke s kostyami” [“We do not live on earth – on a sack of bones”]. Interview, interviewer A. Tarasov. *Novaya gazeta*, 2014, no. 47, pp. 20–21. (in Russ.)

Dostoevsky F. M. Complete works. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1973, vol. 6: Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment], 423 p. (in Russ.)

Esenin S. A. Complete works. In 7 vols. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997, vol. 2: Stikhotvoreniya (Malen'kie poemy) [Poems (Small Poems)], 463 p. (in Russ.)

Mayakovsky V. V. Collected Works. In 12 vols. Moscow, Pravda, 1978, vol. 1, 431 p. (in Russ.)

Nekrasov N. A. Complete Works. In 15 vols. Leningrad, Nauka, 1981, vol. 2: Stikhotvoreniya 1855–1866 gg. [Poems 1855–1866], 446 p. (in Russ.)

Nekrasov V. P. V okopakh Stalingrada [In the Trenches of Stalingrad]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, 319 p. (in Russ.)

Nekrasov V. P. Vasya Konakov: Rasskazy [Vasya Konakov: Stories]. Moscow, Voenizdat, 1961, 224 p. (in Russ.)

Raspe R. E. Priklyucheniya barona Myunkhgauzena / Pereskaz K. I. Chukovskogo [The Adventures of Baron Munchhausen. Retelling by K. I. Chukovsky]. Moscow, ROSMEN, 2015, 96 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Tatiana A. Bogumil, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 04.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 20.12.2024
The article was submitted on 04.11.2024;
approved after reviewing on 20.12.2024; accepted for publication on 20.12.2024*